

О Тютчеве

Тютчев был одним из самых замечательных русских людей. Но, как и многие русские люди, он не создавал своего истинного призвания и места. Гнался за тем, для чего не был рожден, а истинный дар свой не то что не ценил вовсе, но ценил не так и не за то, что в нем было наиболее удивительно.

Он был человек сильных страстей и феноменальной рассеянности. Однако ж нет ничего неожиданного в том, что он вступил в государственную службу. Тогда все служили -- даже неистовый Пушкин, даже совершенно мечтательный и невесомый Богданович. От всей служебной деятельности Пушкина осталось одно знаменитое донесение о саранче. От Богдановича -- и того меньше: в качестве российского дипломата он только и делал, что "бродил по цветущим берегам Эльбы и думал о нимфах". Пушкин кончил жизнь под пистолетным дулом, Богданович -- в деревенском уединении, в состоянии как бы тихого и мечтательного помешательства, в обществе кота и петуха, "сих друзей, достойных самого Лафонтена". Словом, не приходится удивляться, что Тютчев служил, и в конце концов служил плохо. Вполне естественно, что его служебная карьера была надломлена в самом расцвете -- из-за поступка, вполне подходящего поэту и вовсе не подходящего чиновнику. Но вот что странно: будучи не весьма исправным чиновником дипломатического ведомства, он всю жизнь рвался к самой активной деятельности именно на этом поприще. И особенно -- в те годы, когда он был не у дел, в опале. Служить он не умел, но политические судьбы Европы и России волновали его чрезвычайно, и он хотел в них участвовать не только созерцательно, а и деятельно. В его статьях и письмах -- перед нами человек, бурно стремящийся к политическому влиянию и действию. Но -- мы все-таки ныне празднуем сто двадцать пятую годовщину со дня рождения не политика Тютчева, а поэта. Такова Немезида. На сей раз можно ее назвать милостивой.

Политические воззрения Тютчева, близко примыкающие к славянофильским, преимущественно отражены в статьях "Россия и революция", а также "Папство и римский вопрос". Тут высказан ряд глубоких мыслей -- о революции, о христианстве, о западной церкви как политическом учреждении. Эти мысли сохраняют свое философское и религиозное значение. Но нельзя упускать из виду, что в статьях Тютчева они намечены кратко и неполно, потому что призваны служить не более как для беглого обоснования вполне конкретных политических выводов, составляющих истинную цель статей.

Тютчев в этих статьях отнюдь не философ, а дипломат, стремящийся побудить руководителей международной политики (у нас и в Европе) к определенным политическим действиям. И вот тут оказывается, что жизнь очень скоро опровергла если не философские идеи, то реально-политические предвидения Тютчева. Судьбы папства, Франции, Германии, Австрии, Италии в ближайшие же десятилетия стали складываться и не согласно и даже не вопреки его предсказаниям и увещаниям, а совсем, так сказать, по-третьему. Это доказывает, что современную ему политическую обстановку он оценивал неверно. Оказалось, что истинное положение дел и распределение сил в Европе и в России было не таково, каким оно представлялось Тютчеву. Теперь уже нельзя без глубокого смущения читать, например, что в "Европе существуют только две действительных силы -- революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу"; что "тысячелетние предчувствия не могут обманывать. Россия, страна верующая, не ощутит недостатка веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своего призвания и не отступит перед своим назначением"; что "Запад исчезает, все рушится, все гибнет" в пламени революции, и что "когда над этим громадным крушением мы видим всплывающую святым ковчегом эту империю (Россию), еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании" -- усмирить революцию... Можно, конечно, думать, что и ныне происходящие события представляют собой не что иное, как борьбу России с революцией, подобно тому как болезнь есть *борьба* организма с проникшей в него инфекцией. Но Тютчев, конечно, имел в виду совсем не такую парадоксальную форму борьбы: он меньше всего допускал, что Россия станет перерабатывать революцию внутри своего собственного организма. Напротив, считал ее как бы обладающей врожденным иммунитетом и именно потому от природы приспособленной и предназначенной на борьбу с революционной заразой.

Не менее смущают и такие утверждения Тютчева, как, например: "Богемия будет свободна и независима, полноправной хозяйкой у себя дома лишь в тот день, когда Россия вступит вновь в обладание Галицией". Немало был бы разочарован Тютчев, если бы узнал, что, вопреки его построениям, волею истории, независимости чехов, словаков, сербов суждено быть закрепленной не с высоты "всеславянского престола", но как раз после того, как этот престол опустеет.

Рассказы о том, будто Тютчев вовсе не придавал значения своим стихам, преувеличены. Но он